

Москва
Театр на Таганке
(Гастроли в Испании) Слободкин Ю

3. IV. 88

ТАГАНКА В МАДРИДЕ

Гастроли

13 марта. 70 человек — актеры, постановочная часть, администрация — в самолете Ту-154 вылетают в Испанию. Восьмой мадридский фестиваль искусств почил своим приглашением спектакль «Мать» по М. Горькому, поставленный в 1968 году Юрием Любимовым. Час ночи по Москве, минус два часа и плюс 15⁰ по Мадриду. Еще час — и мы распаковались в номерах отеля «Плаза». Площадь Испании, центр города, памятник Сервантесу с пригнувшимися к нему Дон Кихотом и Санчо Пансой. Четыре миллиона жителей и три — автомашин. Кажется, все эти три миллиона шуршат всю ночь под нашими окнами.

14 марта. Завтрак обидей. Информация руководства о монтаже декораций, о репетициях для 18 испанских статистов (в роли роты царских солдат) и общих прогонах. Встреча с музыкантами из оркестра Евгения Светланова. Обмен новостями и советы опытных коллег, где и как расправляться с местной валютой в тех символических величинах, что получены каждым на недельное проживание. Знакомство с городом, солнце, возбуждение, изобилие черных тонов в костюмах испанцев, хорошие лица, нет суеты, достоинство и снова — потоки машин. За день отдохнули от московской зимы, устали от мадридской ходьбы, смонтировали декорации (художник Давид Боровский) и отрепетировали с «солдатами» (режиссер Борис Глаголин).

Сообщение: по приглашению фестиваля завтра в Мадриде появится создатель Театра на Таганке Юрий Петрович Любимов. Естественно его присутствие на представлении его детища. Естественно, мы были единокорны, когда Губенко опросил мнение каждого. Естественно, качественного сна ни у кого в ту ночь не было.

17 марта. День премьеры. Утро — репетиция с «солдатами», с Желдиным — Рыбиным, со светом и т. д. С 14 до 15.30 — ожидание вестей из аэропорта. Встреча состоялась, и ее описать невозможно. Пять лет без двух месяцев длилась разлука. Юрий Любимов вместе с женой Катей подробно общался с каждым актером, электриком, костюмером, радистом... Номер нашего директора Николая Дулака на два часа оказался сценой удивительного спектакля. Об эмоциях умолчу. Главное — вечером. Спек-

гуляли по древним мостовым, поклонились следам Эль Греко, загорали под мартовским щедрым солнцем, фотографировались на фоне улочек и храмов, в обнимку с муляжами рыцарями и на фоне витрин с толедским оружием... Мы обошли за три часа (это совсем немного) основные залы великого музея Прадо... Но если бы хоть один из нас хоть на минуту остудил свою кровь участника событий до температуры наблюдателя, он бы изрядно повеселился. Ибо точно так же, как возле рояля в театре, в Прадо ли, на улицах Мадрида или Толедо, картина была одна и та же: актеры Таганки, их глаза и жесты, их речи и ритмы общения были посвящены, увы, далеко не Сервантесу и даже не Эль Греко... Здесь и без переводчика ясно, что это за «семейное мероприятие».

Николай Губенко объявил о сборе труппы на замечания по спектаклю. Кажется, это было после второго представления. В 15.30 все как один сидели в зрительном зале, а Любимов, прислонясь к сцене, делился впечатлениями, редактировал увиденное через пять лет... Какие были лица у актеров... Вернее, какое было лицо у всех, кто сидел в зале

и к кому обращался автор театра и спектакля...

Прекрасны рассказы об истории Испании, об истоках природной театральности и яркие иллюстрации к ним: таверна XVII века и ночная «дискотека андалузского танца» (спасибо ученикам и артистам Анхеля Гутьерреса). Зашли на минутку, а захвачены были навсегда — музыкой, культурой танца, красотой и изобретательностью движений, страстью гордых кабальеро, не сжигающих улыбок со своих лиц... В пять утра явились исполнители фламенко, и 70-летний Любимов выразил свои чувства ко всем событиям тем, что включился в танец вместе с профессионалами...

Прошу прощения, но я нарушил строгость календаря... Мы помним детально весь насыщенный калейдоскоп работы и встреч на фестивале. Мы не забудем ночных прогулок по Мадриду — и автокласонов до утра в честь победы испанцев-футболистов над немцами, и голых пяткок живописно укрытых с головой бездомных у подъездов спящих офисов... Все запомним, за добро благодарны и даже не обиделись на резкие скачки погоды, отчего у многих сели голоса. Слава богу, выдержала нелегкое испытание главная героиня, наша Зинаида Славина — Нилонна. Мы не забудем и того, как все дни и ночи трудился, переживал и помогал своему дому главный режиссер театра Николай Губенко... Но, все запомнив в точности, как было, мы дружно запутаемся только в одном: сколько дней длились наши гастроли?

Директор утверждал, что восемь. Но в Москве 21 марта встречавшим близким одни говорили: «полгода», другие — «месяцев восемь», третьи — «целую вечность»... Пожа-

луй, информация по возвращении сходится вот в каких пунктах:

Спектакль «Мать» принят с грандиозным успехом и публикой, и в печати.

Встреча с Любимовым была такой, словно никто не расставался. Ближайшая перспектива — его приезд в мае в Москву, на выпуск премьеры «Бориса Годунова» на Таганке...

Великодушие и щедрость — достояние богатых душой. Мы были бедны — и хватало на нашей улице мелочных счетов, кухонного огрызательства, казарменной грубости. Мы осознали свое богатство — богатство национальных и человеческих недр, богатство перспективы, богатство выстрадавшей свою необратимость перестройки — и мы можем позволить себе роскошь щедрого, благородного поступка. Составительность мнений в прессе; допуск частных инициатив в экономике, обучение кооперации и гласности — вот реальные признаки силы, и не беда, что хватает еще грязи на проезжей части и в потоке «писем-откликов», ибо сия грязь, ибо судорожные рыбки к месту бывшей кобуры в ответ на несогласие — все это пережитки бюрократического феодализма. Признак силы, кстати, — это акция Министерства культуры СССР, пославшего любимовский спектакль первым советским представителем театра на мадридский форум искусств. В результате — успех сценический и политический, который мы по-братски разделили с коллективами Владимира Спивакова и Евгения Светланова...

Признак силы — это, конечно, доверие художникам. А доверие — плодотворно.

Вениамин СМЕХОВ.

Анхель Гутьеррес, Вениамин Смахов и Валерий Золотухин. Мадрид, март 1988 года.

15 марта. Доброе настроение за завтраком разрушено новостью из газет: один из молодых актеров Таганки исчез в «чуждом направлении». Невывалое для нашего театра событие омрачено к тому же профессиональной бедой: за две репетиции надо срочно вводить другого актера в немаловажную роль. Ну, ничего, за спектакль мы не боимся, из ситуации выйдем, как следует, боясь у нас другого рода: по старым, привычным фасонам могут пострадать абсолютно невинные люди — из руководства театра. Аврал. На роль Рыбина назначен Константин Желдин (и справился, забегая вперед, превосходно).

16 марта. Две огромные репетиции. Николай Губенко вместе с Борисом Глаголиным и Давидом Боровским соединяют воедино актеров, испанцев-«солдат», световую партитуру, музыку и оформление «Матери».

Между двумя репетициями — пресс-конференция. Губенко рассказывает биографию и смысл жизни Театра на Таганке. Вопросы журналистов, как мы и ожидали, о Юрии Любимове, о «пьесе» Горького и о... сбежавшем Маслове. Утолить их любопытство мы могли лишь по двум первым пунктам. О разнообразии в советском театре известно примерно следующее: есть один на всех Театр Станиславского, а все остальное — незаконнорожденная самодельность. На словах развезть версию не очень удалось, признания и изумления появились в газетах позже, когда они увидели спектакль. Валерий Золотухин обратил внимание испанцев на их нехозяйское отношение к своим талантам: его учитель по ГИТИСу, он же друг Таганки с первых лет, он же — известный советский, он же — испанский режиссер и педагог Анхель Гутьеррес, успешно творит искусство со своим крохотным театром, но его упорно игнорируют газеты и органы культуры Испании. И по делу, и по юмору встреча с журналистами прошла на высоте.

Ночью после нервного прогона спектакля в номере у главного режиссера собрался актив театра.

так в 20.30. Распевка перед ним за два часа. И никто не ноет, как обычно: зачем так рано собираться, можно отдохнуть, походить по городу... Явка в срок. Театр жил, как одна семья.

Композитор Юрий Буцко, один из лучших в стране и в мире, впервые в жизни выехал за рубеж. Возле него, возле рояля — вся труппа. Распевка. Затем «Дубинушка» — песня, театральное воплощение которой давно описано советскими критиками и сотни раз отзывалось овациями и у нас, и на гастролях в Париже и Берлине... И так, все внимание пятидесяти актеров на Юрии Буцко, звучат куплеты русской песни... Среди актеров — Юрий Любимов. Его дирижерская пластика, седая голова и молодое лицо, совместное пение и замечания Буцко — все это стирает испанскую реальность. Никаких пяти лет не было, никакого фестиваля нет и в помине, ибо мы — на Таганке, на дворе — московское лето, и ни разлук, ни холодов судьба нам не обещает...

Однако с 20 часов — активный прибор испанских зрителей к нашему милому берегу. Афиши, буклеты, билеты, привратники с галунными, приветливая речь, корреспонденты и... зуд ожидания.

...Прошел час, и реакция на сцену «Дубинушки» прозвучала сигналом для любого знающего наше дело: успех обеспечен. Конечно, нюансов предвидеть мы не могли. Например, того, как дружно и долго взрываются над волной аплодисментов «чисто испанские» выкрики «браво». Например, того, что в антракте актеры будут переодеваться и перекуривать под несмолкаемый аккомпанемент оваций. Или того еще, например, что публика так славно никуда не спешит по окончании спектакля. Вроде бы отхлопали, вроде бы вышли из дверей и пора бы в поздний час — по домам? Однако мы выскочили на пустую сцену, чтобы сделать фотоснимок на память и... даже вздрогнули: зрители вернулись и снова хлопают... Хорошо, что у нас есть переводчики, они объяснили, что это — семейное мероприятие. Мы ездил на полдня в Толедо,

242